

КОЛТОВСКОЙ ДЬЯЧЕКЪ.

(Эпизодъ изъ жизни Императора Николая I).

I.

Вылъ мартъ 1847 года. Въ Петербургѣ начиналась весна, и цѣлые потоки грязной, талой воды неслись по улицамъ, образуя на мостовыхъ безчисленные ухабы и рытвины. На центральныхъ улицахъ, гдѣ шла усиленная чистка, можно еще было проходить и проѣзжать безъ труда, но зато на городскихъ окраинахъ это было сопряжено почти что съ рискомъ для жизни.

Въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ оказались жители зарѣчной и, слѣдовательно, болѣе отдаленной отъ всякаго начальственнаго взгляда, Петербургской стороны. Не убравшіеся въ теченіе всей зимы сугробы снѣга, растаявъ, превратили переулки и улицы, пустыри и огороды въ венеціанскіе каналы и швейцарскія озера. Въ началѣ невзыскательные обыватели Колтовской, Пушкарской, Бармалеевой и иныхъ улицъ патриархальной стороны не обращали особеннаго вниманія на оттепель, и лишь многочисленная дѣтвора, высыпавшая на улицу съ разбитыми корытами, досками и щепками, наслаждалась до самозабвенія свѣтомъ, тепломъ и свободой. Но скоро радость дѣтей смѣнилась слезами взрослыхъ. Не находившая выхода вода стала заливать первые этажи ветхихъ деревянныхъ домишекъ, густо населенныхъ бѣднотой всякаго званія. Неожиданное наводненіе ставило жителей въ отчаянное положеніе: имъ грозила опасность не только быть затопленными, но и умереть съ голоду. Къ счастью

власть встрепенулась во время, и тогдашній оберъ-полицейместеръ Кокошкинъ энергично принялся за дѣло: вызвалъ солдатъ, велѣлъ рыть канавы, и черезъ сутки усиленной работы, вода стала спадать— испуганная бѣднота вздохнула свободнѣе!

Дольше всего вода держалась на Колтовской, улицѣ, и обширный лугъ, окружавшій церковь Спаса-Преображенія, представлялъ изъ себя большое озеро, такъ что рѣдкимъ богомольцамъ, желающимъ посѣтить церковь, приходилось пробираться къ церковной паперти съ великимъ трудомъ, по разбросаннымъ бревнамъ и доскамъ, ежеминутно рискуя свалиться въ воду. Это неудобство, само собою разумѣется, прежде всего отразилось на доходахъ причта, такъ какъ прихожане, несмотря на первую недѣлю Великаго поста, почти перестали ходить на богослуженія. Да и вообще Колтовскій приходъ считался въ столицѣ наименѣе доходнымъ. Населеніе его состояло частью изъ отставныхъ, частью изъ служащихъ мелкихъ чиновниковъ, мелкаго торговаго люда, ютящагося по угламъ и подваламъ, и лишь главными и наиболѣе почетными прихожанами считались нѣсколько купеческихъ семей, владѣльцевъ ближайшихъ лавокъ.

Съ однимъ изъ членовъ причта Спаса-Колтовской (какъ звали ее обыкновенно) церкви и произошло описываемое нами событіе, кореннымъ образомъ измѣнившее всю его дальнѣйшую судьбу, виновницей чего оказалась весенняя оттепель... ¹⁾.

II.

— „Ну и недѣлька выпала!...“ проговорилъ входя и сердито бросая шапку на столъ, дьячекъ Благосвѣтловъ,—„никакихъ требъ; въ кружкѣ ²⁾ хоть шаромъ покати... Придется видно въ воскресенье опять безъ пирога обойтись“,—полушутливо добавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшей у окна женѣ.

— „Ужъ искалъ бы ты, Иванъ Павловичъ, другого какого мѣста: попроси прихожанъ, къ владыкѣ съѣзди, поклонись ему въ ноги!... Не умирать же съ голоду...“—отвѣтила ему жена, и въ ея голосѣ слышались скрытыя слезы.

— „Что же сдѣлаемъ?... видно, Божья воля!... переждемъ немножко,

¹⁾ Происшедшее сообщено намъ внукомъ героя этого событія. Всѣ фамиліи участвующихъ лицъ, по весьма понятнымъ причинамъ, измѣнены.

²⁾ По установившемуся среди духовенства обычаю, всѣ доходы по церкви за недѣлю собираются въ такъ наз. „кружку“. Въ концѣ же недѣли сумма дѣлится между причтомъ.

авось, что-нибудь и наклюнется, а то просить-то мнѣ, вотъ какъ не хочется“...—съ неудовольствіемъ проговорилъ Благосвѣтловъ.

— „Да ужъ ты извѣстно, безсребренникъ,“—раздраженно возразила дьячиха,—„о семьѣ то тебѣ и заботы мало, все на Бога ссылаешься, а забылъ про пословицу: что Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ!..“

— „Ну, пошла—поѣхала!.. брось ты, матушка, ради Бога укоры, и безъ того тоска на сердцѣ... Дай лучше поѣсть чего-нибудь—усталъ какъ собака“.

— „Да и обѣдъ-то нынче не по тебѣ—одни щи; Филимоновъ обѣщаль крупъ прислать, да видно обѣщаннаго три года ждать надо...“ недовольно говорила жена—накрывая на столъ.

— „Пришлетъ, не бойся, чай, сама видишь: не пройти, не проѣхать... чистое наказаніе... оттого и требъ нѣтъ...“

— „Какія у тебя требы, если ты съ отцомъ Ѳедоромъ въ очереди; онъ скорѣй съ тебя возьметъ, чѣмъ тебѣ выдѣлитъ, да ты же и виноватъ будешь!..“ „Да, вотъ что“,—спохватилась она,—„чуть не забыла: отецъ Ѳедоръ сторожа прислалъ, въ три часа у него крестины богатя, такъ онъ съ дьякономъ пойдетъ, а тебѣ велѣлъ вечерню отправить не въ очередь... вотъ тебѣ и еще доходи!..“—съ горечью добавила Благосвѣтлова.

— „Это ужъ изъ рукъ вонъ!..“ возмутился Иванъ Павловичъ,—„какъ треба получше, такъ онъ сейчасъ съ дьякономъ!.. Нѣтъ, будь что будетъ, а я поѣду въ понедѣльникъ къ владыкѣ, пусть хоть въ деревню переведетъ, все лучше...“

Долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ возмущенный явной несправедливостью Благосвѣтловъ, и мечты его унеслись далеко: онъ мысленно получалъ уже отъ Владыки-митрополита просимое мѣсто, но не въ деревнѣ, а въ богатомъ, доходномъ приходѣ. Понемногу онъ успокоился и, взглядывая по временамъ на жену, что-то шившую у окна, и видя ея заплаканные глаза, онъ думалъ, что съ перемѣной мѣста и въ семьѣ у него наладится, пройдутъ безконечныя слезы и попреки жены, да и самому станетъ легче... А онъ вдобавокъ и не старъ еще: три года какъ семинарію кончилъ, женился по любви и не разбирая, не выждавъ, взялъ первую открывшуюся вакансію и поступилъ псаломщикомъ въ церкви Спаса. Временно можно было бы помириться и съ этимъ мѣстомъ, если бы не отецъ Ѳедоръ, жадный и корыстолюбивый попъ, не влюбившій почему-то молодого псаломщика. Ко всему придирался отецъ Ѳедоръ: и читать-то ты не умѣешь, и поешь нескладно и не въ тонъ ему, протоіерею. Последнее было уже совсѣмъ несправедливо, такъ какъ Благосвѣтловъ имѣлъ отличный музыкальный слухъ, и въ тонъ не,

попадалъ самъ отецъ Ѳедоръ, не обладавшій этимъ талантомъ. Голосъ же молодого дьячка звучалъ прекрасно, и церковный староста не разъ говаривалъ ему, послѣ прекрасно прочитаннаго апостола: „эхъ, Иванъ Павловичъ, быть-бы тебѣ у насъ дьякономъ, а не дьячкомъ!..“

Окончательно успокоившись, Благосвѣтловъ легъ уснуть до вечерни, не подозрѣвая, что за ней, самымъ удивительнымъ образомъ, рѣшится его судьба.

III.

Между тѣмъ молва о наводненіи на Петербургской сторонѣ разрослась какъ снѣжный комъ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлала изъ мухи слона. Говорили о десяткахъ погибшихъ, о разрушенныхъ домахъ и о несчастныхъ семьяхъ, оставшихся безъ крова. Слухи достигли наконецъ до Зимняго Дворца, и Государь потребовалъ отъ оберъ-полицеймейстера подробный докладъ о происшедшемъ. Выслушавъ отъ генерала Кокошкина ¹⁾ рапортъ о бѣдствіи, постигшемъ жителей Петербургской стороны, и освѣдомившись о томъ, приняты ли всѣ мѣры для облегченія несчастія и обезпечены ли неимущіе жители пищей и кровомъ, Государь выразилъ желаніе лично осмотрѣть мѣсто наводненія.

Въ три часа по полудни, знаменитый рысакъ, запряженный въ легкія одиночныя сани, мчалъ Императора по улицамъ столицы. По вѣздѣ на Петербургскую сторону, кучеру пришлось сдержать лошадь, такъ какъ дорога была изрыта глубокими ухабами и въ изобиліи усѣяна досками, бревнами и дровами, принесенными водою.

Миновавъ церковь Николая Мокраго ²⁾, Государь приказалъ кучеру ѣхать по направленію къ Спасской церкви. Проѣздъ по Колтовской улицѣ былъ труденъ: громадныя лужи не позволяли разсмотрѣть выбоинъ, и лошади приходилось идти шагомъ, осторожно нащупывая твердую почву. На улицѣ было пустынно, близился вечеръ, и рѣдкіе встрѣчныя не узнавали закутанную въ шинель фигуру Императора Николая Павловича.

¹⁾ Генераль-Маіоръ С. А. Кокошкинъ, спб. оберъ-полицеймейстеръ 1830—1847 г.г.

²⁾ Такъ звали въ простонарѣчьи нынѣшній Князь-Владимірскій Соборъ. Названіе это произошло оттого, что до построения Владимірскаго Собора, здѣсь была церковь во имя Св. Николая, на урочищѣ, называемомъ „мокрушей.“

Тишина улицы вдругъ нарушилась ударомъ колокола—звонили къ вечернѣ у Спаса Колтовскаго. Государь снялъ каску и набожно перекрестился. Рѣдкіе, великопостные удары колокола гулко разносились въ вечернемъ воздухѣ и какъ-то невольно передавали душѣ молитвенное настроеніе. Взглянувъ на историческую церковь и вспомнивъ, что когда-то здѣсь, въ „Колтовскихъ“ слободахъ ¹⁾, жили Петровскіе солдаты, онъ велѣлъ кучеру подвезти себя къ церкви.

Въ церкви былъ полумракъ; лишь вдали у иконостаса тускло теплилось нѣсколько свѣчекъ. Богомольцевъ не было, если не считать нищей старухи да исполнявшаго обязанности церковнаго старосты сторожа, стоявшаго за свѣчной выручкой.

Приходъ Государя не возбудилъ ничьего вниманія, и онъ беспрепятственно прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ у колонны. Изъ алтаря раздался тихій возгласъ священника и въ отвѣтъ ему могучій, бархатный басъ началъ чтеніе канона.

Канонъ читалъ скрытый за иконой Благосвѣтловъ.

Чудныя, богодухновенныя слова дивнаго произведенія Андрея Критскаго звучно разносились по пустынному храму. Собственное горе, мысли о будущемъ и его неизвѣстность, все это какъ будто находило отвѣтъ въ священныхъ фразахъ, и Благосвѣтловъ читалъ артистически. Голосъ его звучалъ то глубокой вѣрой въ милосердіе Божіе, то съ грустью молилъ о ниспосланіи мира мятущейся душѣ...

Николай Повловичъ стоялъ изумленный и растроганный... Вѣдная ли обстановка небольшого храма и вдохновенное чтеніе, или вечерняя тишина и навѣянные ею воспоминанія, или что иное, но Государю показалось, что вѣкогда еще онъ не былъ такъ близокъ къ Богу, какъ теперь. Голосъ чтеца онъ нашелъ необыкновенно красивымъ и звучнымъ, болѣе красивымъ, чѣмъ голоса придворныхъ псаломщиковъ. „Его надо взять къ себѣ“, мысленно рѣшилъ Императоръ и, повернувшись, подошелъ къ свѣчной выручкѣ и спросилъ дремавшаго сторожа:

— „Какъ фамилія дьячка“?

Вздрогнувшій отъ неожиданности старикъ еще болѣе растерялся, когда увидѣлъ передъ собою извѣстную всѣмъ петербуржцамъ высокую фигуру Государя.

— „Виновать... Ваше... Ваше Императорское Величество...“—еле могъ выговорить онъ,—Благосвѣтловъ его фамилія“...

¹⁾ Церковь Преображенія Господня (нынѣшняя Спасъ-Колтовская) была основана въ 1722 году при Невскомъ полку,—слобода котораго отъ фамиліи командира получила, до настоящаго времени дошедшее, прозваніе „Колтовскихъ“.

— „Хорошо, старикъ“,—милостиво сказалъ Императоръ и вышелъ изъ церкви.

Выбѣжавшій вслѣдъ за нимъ сторожъ увидѣлъ выѣзжавшія уже изъ церковной ограды сани съ царственнымъ сѣдокомъ и, понявъ, что за сонъ ему приснился, всилеснулъ руками и бросился прямо въ алтарь, гдѣ заплетающимся языкомъ сообщилъ служившему вечерню настоятелю, кто былъ сейчасъ въ церкви.

— „Да ты, Степанъ, не пьянъ, нѣтъ?“—строго взглянулъ на него протоіерей, но, увидѣвъ растерянный видъ старика, понялъ, что это не шутка и самъ, въ свою очередь взволновавшись, сталъ его расспрашивать.

— „И не знаю какъ,“—весь трясаясь, рассказывалъ сторожъ,— „задремалъ я что ли, грѣшнымъ дѣломъ, а только вижу—стоитъ Онъ предо мною у выручки и спрашиваетъ: а какъ дьячка зовутъ?.. а я и сказать-то что, не знаю... какъ ужъ Господь сподобилъ отвѣтить и не вдомекъ“...

— „Ну, что-то будетъ...“—сокрушенно вздохнулъ настоятель,— „что-то будетъ!.. Храни Богъ, Высокопреосвященный узнаетъ: и старосты нѣтъ, и вечерню безъ дьякона правимъ... а все отецъ Ѳедоръ: не пойду съ Благосвѣтловымъ, да не пойду, а вотъ и дождались!“.

Наскоро окончивъ службу, настоятель сообщилъ о происшедшемъ Благосвѣтлову и добавилъ, что Государь спросилъ о его фамиліи.

— „Храни тебя Богъ, Иванъ Павловичъ!.. что, если чѣмъ прогнѣвилъ Государя?“—сочувственно говорилъ ему старикъ протоіерей.

— „Да чѣмъ же я прогнѣвить-то могъ?“—недоумѣвалъ тотъ,— „читалъ я, кажется, отецъ настоятель, вѣрно, безъ пропусковъ, а что Государя не замѣтилъ, такъ вѣдъ мнѣ изъ-за иконы-то не видно“.

— „Такъ-то такъ... а все таки... вонъ и отецъ Ѳедоръ жалуется: дерзишь ты много... вотъ что!..“

— „Воля ваша, отецъ настоятель, а только и отецъ Ѳедоръ неправъ: придирчивъ очень“...

— „А ты терпи, помни, что сказано: претерпѣвый до конца—спасется!“.

— „И такъ ужъ терплю, да, кажется, до того натерпѣлся, что скоро у Владыки въ деревню проситься буду“,—съ горечью отвѣтилъ Благосвѣтловъ.

— „Ну, ладно, ладно, иди ужъ, не гнѣви Бога!“—сокрушенно проговорилъ протоіерей,— „утро вечера мудренѣе, авось, минетъ насъ чаша сія“.

IV.

Придя домой и рассказавъ женѣ о царскомъ посѣщеніи, Иванъ Павловичъ совсѣмъ упалъ духомъ. Казалось, что послѣдняя надежда на лучшую перемену жизни рухнула. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ Государю понадобилось знать фамилію какого-то дьячка, какъ не за тѣмъ, чтобы наказать его. Вотъ только причины, навлекшей на него гнѣвъ монарха, онъ никакъ не могъ найти. Онъ ломалъ себѣ голову и такъ и сякъ, и все-таки ничего не могъ выяснить. Измученный въ конецъ и собственными мыслями, и рыданіями жены, горько плакавшей о томъ, какъ ея Ваню по царскому приказу казнятъ на Конной площади безвинно,—Благосвѣтловъ только подъ утро забылся тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ.

— „Вставай, Ваня“,—услышалъ онъ утромъ голосъ будившей его жены,—„вставай, свѣтикъ, чуяло мое сердце, что осиротѣю я съ дѣтками...“ заливалась она горькими слезами.

— „Въ чемъ дѣло?“—вскакивая, спросилъ поблѣднѣвшій Иванъ Павловичъ,—„говори толкомъ, не мучь...“

— „Сторожъ пришелъ отъ настоятеля, тебя зовутъ, говорятъ, отъ Царя офицеръ за тобой пріѣхалъ... и что ты такое надѣлалъ вчера въ церкви, и ума не приложу!?“

— „Ничего я не надѣлалъ и предъ Царемъ не виноватъ; а ты не плачь—хуже не будетъ“,—стараясь быть спокойнымъ, говорилъ Благосвѣтловъ,—„давай сюртукъ, да перестань плакать! авось, Богъ не оставитъ!“

Подходя къ настоятельскому крыльцу, Иванъ Павловичъ не безъ волненія увидѣлъ стоявшую около фельдъегерскую тройку. Сердце у него сжалось, и вдругъ мелькнула мысль: не бѣжать ли? но разсудокъ сейчасъ же отвѣтилъ: куда?—бѣжать было некуда.

Блѣдный, но спокойный, онъ вошелъ въ квартиру настоятеля. Въ прихожей толпилась вся многочисленная семья послѣдняго, и появленіе Ивана Павловича было встрѣчено съ какимъ-то смущеніемъ и страхомъ. Матушка протопопша, какъ звали ее въ приходѣ, добрая, тучной комплекціи женщина, подошла къ нему и, положивъ руку на плечо, проговорила: „эхъ, Иванъ Павловичъ...“ и быстро, быстро заморгавъ глазами, отошла. Все это, повидимому, предвѣщало мало хорошаго. Мысленно перекрестившись, онъ тихо постучалъ въ притворенную дверь гостиной и, услышавъ въ отвѣтъ голосъ настоятеля „входите“, отворилъ дверь.

Въ небольшой гостиной, увѣшанной по стѣнамъ портретами архіереевъ и иныхъ лицъ духовнаго званія, въ креслахъ сидѣли настоятель и молодой офицеръ въ формѣ фельдъегерскаго корпуса. Они о чемъ-то оживленно бесѣдовали, и протоіерей, съ довольнымъ лицомъ поглаживалъ свою сѣдую бороду.

— „Вы псаломщикъ Благосвѣтловъ?“ обратился къ вошедшему, щелкая шпорами, фельдъегерь.

— „Къ вашимъ услугамъ“,—слегка дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Иванъ Павловичъ,—„чѣмъ могу служить?“

— „По именному предписанію Его Императорскаго Величества, которое я сообщилъ отцу протоіерею,—я обязанъ препроводить васъ немедленно къ настоятелю придворнаго Собора, для нѣкоторыхъ переговоровъ. Благоволите быть готовымъ въ возможной скорости“,—въжливо, но рѣшительно заявилъ офицеръ.

— „Идите скорѣй домой, одѣньтесь“,—добавилъ настоятель,—„и успокойтесь: счастье вамъ большое выпало, Иванъ Павловичъ!“

Ничего не понимая, какъ въ туманѣ, вышелъ Благосвѣтловъ изъ настоятельской квартиры; онъ инстинктивно чувствовалъ, что дурного быть не можетъ, что предстоитъ что-то хорошее, свѣтлое, но что именно,—казалось непонятнымъ, какъ было непонятно все происшедшее, гдѣ событія смѣшались какъ въ калейдоскопѣ: пріѣздъ Государя, страхъ его гнѣва, фельдъегерь и неизвѣстное будущее.

Успокоивъ наскоро жену, онъ вернулся обратно, и скоро фельдъегерская тройка, провожаемая изумленными взглядами Колтовскихъ обывателей, увезла его по направленію къ Зимнему Дворцу.

V.

Протопресвитеръ, солидный, весь увѣшанный орденами, благообразнаго вида протоіерей, принялъ его сейчасъ же по пріѣздѣ. Фельдъегерскій офицеръ, почтительно доложивъ что-то, удалился, и Иванъ Павловичъ остался наединѣ съ важной духовной персоной, теряясь отъ непривычной ему обстановки.

— „Вы, конечно, знаете, молодой человѣкъ, причину, которая привела васъ сюда?“—обратился къ нему протопресвитеръ, приглашая его сѣсть легкимъ движеніемъ руки.

— „Простите, Ваше Высокопреподобіе, но я, право, ничего не знаю... и убѣдительно прошу дать мнѣ какія-нибудь разъясненія!..“—взволнованно отвѣтилъ Благосвѣтловъ.

— „Вотъ что!.. ну, такъ я вамъ поясню: дѣло въ томъ, что

Государь Императоръ, посѣтивъ вчера вашу церковь, такъ остался доволенъ вашимъ чтеніемъ, что повелѣлъ мнѣ зачислить васъ въ штатъ придворныхъ псаломщиковъ. Сообщая объ этомъ, я надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе Его Величества.“

— „Ваше Высокопреподобіе...“—пролепеталъ Иванъ Павловичъ, — „Ваше Высоко...“—дальше онъ не могъ продолжить фразы, спазма сдавила ему горло, и непрошенныя слезы появились на глазахъ.

— „Успокойтесь, выпейте воды и расскажите мнѣ о себѣ“,—ласково успокаивалъ его протопресвитеръ,—„отъ счастья не умираютъ, не бойтесь!“

Слегка оправившись, но все-таки сильно волнуясь, Благосвѣтловъ принялся рассказывать свою біографію, не забывъ упомянуть о бѣдности прихода, не упомянувъ лишь о мздоимствѣ отца Ѳедора. Получивъ благословеніе и приказаніе быть готовымъ къ скорой службѣ въ Высочайшемъ присутствіи, онъ, не чувствуя подъ собою земли отъ радости, отправился домой.

Нечего и говорить о томъ, что произошло по его возвращеніи: счастью и разговорамъ не было конца, весь причтъ, не исключая и отца Ѳедора, перебивалъ у Ивана Павловича, и всѣ наперерывъ поздравляли счастливца и всѣ ему завидовали.

Благосвѣтловъ былъ назначенъ псаломщикомъ къ церкви Аничковскаго дворца и уже на Пасхѣ участвовалъ въ торжественныхъ придворныхъ службахъ. Въ этой должности онъ прослужилъ много лѣтъ и долго, до самой смерти, любилъ вспоминать о чудодѣйственномъ, какъ онъ называлъ, дѣлѣ, съ нимъ приключившемся, и свято чтить память своего благодѣтеля Императора Николая I.

Сообщ. М. Я. Корольковъ.

